

УДК 821.161.1-31(Астафьев В. П.)+821.161.1"1185". DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-40-47.
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444+ Ш33(2Рос=Рус)4.
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 5.9.3

ПОВЕСТЬ В. П. АСТАФЬЕВА «ПАСТУХ И ПАСТУШКА» И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: ДИАЛОГ С ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Алексеенко М. В.

Уфимский университет науки и технологий, Стерлитамакский филиал (Стерлитамак, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6465-3884>
SPIN-код: 2746-3108

А н н о т а ц и я. В статье впервые рассматриваются образно-смысловые параллели между повестью В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» и «Словом о полку Игореве». Работа опирается на методологические принципы системно-сопоставительного, историко-функционального, структурно-семантического анализа текста, учитывая при этом аспекты как художественной формы произведений, так и их проблематики.

Исследование демонстрирует, что аллюзивные отсылки к контекстам «Слова» прочитываются в «Пастухе и пастушке» на разных художественных планах: в специфике организации пространства и времени (хронотопы степи, моря, панорамное зрение); в логике изображения героев и в семантике ключевых образов, в том числе князя Игоря и Бориса Костяева, Ярославны и Люси, образа Руси // России; в жанровой организации произведения; в системе сюжетно значимых мотивов, связанных с судьбами главных героев (мотивы пути, бегства); в ряде знаковых деталей и символических коннотаций в прологе и finale «Пастуха и пастушки». Обнаруживается, что указанные параллели и проекции имеют не просто типологический характер, а свидетельствуют о диалогической ориентации творческого сознания В. П. Астафьева на средневековую эпическую традицию и духовно-нравственную полемику с ней. Особое внимание в сопоставительной интерпретации текстов уделяется проблемам жанровой структуры: «Слово о полку Игореве» интегрирует художественные формы плача и славы, а в «Пастухе и пастушке» происходит трансформация смысловых акцентов в данной жанровой диаде.

В контекстах повествования В. П. Астафьева ключевые темы «Слова» приобретают больший философский и экзистенциальный масштаб. Прежде всего переосмысливаются традиционные эпические мотивы героизма, воинской доблести и подвигов, которые в изображении писателя лишаются поэтизации и эстетизации, утрачивают ореол «славы», а сама война воспринимается как трагедия и экзистенциальная катастрофа. Позицию В. П. Астафьева по отношению к «Слову» как выражению средневекового эпического сознания и традиций «воинской повести» можно считать амбивалентной, поскольку писатель не столько опровергает подобное мировидение, сколько открывает его историческую локальность и обусловленность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные образы; литературные сюжеты; литературные герои; повести; В. П. Астафьев; древнерусская литература; памятники древнерусской литературы; эпические традиции; литературные мотивы; аллюзии; символы; контекст; художественные формы

Б л а г о д а р о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-000676.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Алексеенко, М. В. Повесть В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» и «Слово о полку Игореве»: диалог с эпической традицией / М. В. Алексеенко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 40–47. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-40-47.

V. P. ASTAFYEV'S NOVELLA "THE SHEPHERD AND THE SHEPHERDESS" AND "THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN": A DIALOGUE WITH THE EPIC TRADITION

Mikhail V. Alekseenko

Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak branch (Sterlitamak, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6465-3884>

A b s t r a c t. For the first time, the article examines the imagerial and semantic parallels between V. P. Astafyev's novella "The Shepherd and the Shepherdess" and "The Tale of Igor's Campaign". The work is based on the methodological principles of systemic-comparative, historico-functional, and structural-semantic text analysis, taking into account aspects of both the artistic form of the works and their thematic concerns.

The study demonstrates that allusive references to the contexts of "The Tale of Igor's Campaign" are reflected in "The Shepherd and the Shepherdess" on different artistic planes: in the specificity of the organization of space and time (chronotopes of the steppe, the sea, panoramic vision); in the logic of the portrayal of the characters and in the semantics of the key images, including Prince Igor and Boris Kostyaev, Yaroslavna and Lucy, the images of Rus' // Russia; in the genre organization of the work; in the system of plot-significant motifs related to the fate of the main characters (motifs of the journey, escape); and in a number of iconic details and symbolic connotations in the prologue and finale of "The Shepherd and the Shepherdess". It is found that these parallels and projections are not just typological in nature, but indicate the dialogic orientation of Astafyev's creative consciousness towards the medieval epic tradition and the spiritual and moral polemic with it. Special attention in the comparative interpretation of the texts is paid to the problems of genre structure: "The Tale of Igor's Campaign" integrates the artistic forms of crying and glory, and in "The Shepherd and the Shepherdess", there takes place a transformation of semantic accents in this genre dyad.

In the context of Astafyev's narrative, the key themes of "The Tale of Igor's Campaign" acquire a greater philosophical and existential scale. First of all, the traditional epic motifs of heroism, military valor and exploits are reinterpreted, which in the vision of the writer are deprived of poetization and aestheticization, lose the halo of "glory", and the war itself is perceived as a tragedy and an

existential catastrophe. Astafyev's position towards "The Tale of Igor's Campaign" as an expression of medieval epic consciousness and traditions of the "military tale" can be considered ambivalent, since the writer does not so much refute such a worldview as reveals its historical locality and conditionality.

Key words: Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary images; literary plots; literary characters; novellas; V. P. Astafyev; Old Russian Literature; Old Russian Literature monuments; epic traditions; literary motifs; allusions; symbols; context; art forms

Acknowledgments: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 25-28-00676.

For citation: Alekseenko, M. V. (2025). V. P. Astafyev's Novella "The Shepherd and the Shepherdess" and "The Tale of Igor's Campaign": A Dialogue with the Epic Tradition. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 4, pp. 40–47. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-40-47.

Связь творчества В. П. Астафьева с древнерусской литературной традицией неоднократно отмечалась в исследованиях разных лет (см., например: [Большакова 2020, 2021; Гончаров 2011; Дегтярева 2010; Стадниченко 2018]. Повесть «Пастух и пастушка» в этом плане также не была обойдена вниманием астафьеведов; так, Ю. А. Большакова, анализируя жанровую природу произведения, рассматривает «пасторальные» параллели с «Повестью о Петре и Февронии» [Большакова 2021а]. Не менее значимы мотивные векторы воинской повести, упомянутые в работах ряда исследователей, отмечающих, что художественный строй произведения многогранен и важное место в нем принадлежит фольклорной и древнерусской традиции [Залыгин 2001; Хасанова 2009]. Вместе с тем образно-смысловые параллели между «Пастухом и пастушкой» и «Словом о полку Игореве» – одним из ключевых текстов в истории русской культуры – до сих пор остаются вне поля зрения литературоведов.

На наш взгляд, подобные проекции проявляются в «Пастухе и пастушке» на разных художественных уровнях: в особенностях хронотопа, в логике изображения героев и ключевых образов, в том числе образа Руси // России¹, в жанровой организации произведения, его сюжетно-мотивной структуре. Рассмотрим подробнее ряд обозначенных параллелей – они имеют не только типологический характер, в них достаточно отчетливо прочитывается ориентация творческих интуиций автора на художественные реалии «Слова». При этом следует иметь в виду, что многие аналогии приобретают у В. П. Астафьева не прямой, а трансформированный и даже инверсионный характер: в тексте повести обнаруживаются скрытые и явные отсылки к «Слову», однако актуализированные образы и мотивы вступают в иные смысловые взаимоотношения, открывая тем самым возможность иной авторской их интерпретации.

Символические ассоциации, связанные с образами «Слова о полку Игореве», проявлены в «Пастухе и пастушке» уже в начальных фрагментах произведения – в его прологе, определяющем во многом онтологический, экзистенциальный, культурологический и социально-исторический масштаб повествования. «И брела она по тихому полу, непаханному, нехоженному, косы не знавшему...»; «Насколько хватало взгляда – степь, немая,

предзимно взявшаяся рыжеватой шерсткой» [Астафьев 1997: 7]. Образы поля и беспредельных степных далей, тянущихся до «самого неба», где «тенью проступал хребет Урала» [Там же: 7], приобретают знаковый характер, становясь здесь ландшафтными репрезентантами России // Русской земли во всей ее масштабности. Мотив бескрайней «степной» Руси // России вернется затем в finale повествования, оформляя его хронотопическую завершенность.

Подобную акцентацию степных образов и их художественное соположение с образом Русской земли мы видим и в «Слове». Парадокс в том, что здесь, с одной стороны, изображение Русской земли и картины степи постоянно пересекаются, более того, именно степная природа соучастует в событиях, связанных с князем Игорем. Однако, с другой стороны, в отличие от астафьевского текста, степь здесь является репрезентантом иного, чужого мира, пространством половецким, а не русским. «Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противостоит образу пустынной половецкой степи – “стране незнаемой”, ее яругам (оврагам), холмам, болотам и “грязивым” местам», – пишет Д. С. Лихачев [Лихачев 1983: 15].

В «Слове» степь – амбивалентное и пограничное с Русью пространство, отгороженное символическими «холмами» («О Рускаѧ земле! уже за Шеломанемъ еси» [Слово 2024: 14]). У В. П. Астафьева степь – это не просто географическая составляющая пространства России, а ее символический центр: «Почему ты лежишь один посреди России?» [Астафьев 1997: 8], – вопрошают героиня, отыскавшая могилу возлюбленного. Вместо антитезы земли русской и «степи половецкой» мы видим здесь их онтологическое и экзистенциальное единство². В этой художественной интерпретации писателем образа Русской земли аллюзивно можно усмотреть и скрытую полемику с эпической средневековой традицией, поэтизирующую и эстетизирующую воинские подвиги во имя отечества, как бы забывая при этом, что любые войны и сражения связа-

¹ Знаком // мы отмечаем инвариантные структуры, образы, мотивы и т. п.

² Об аналогичной образно-смысловой ситуации в первом стихотворении цикла А. А. Блока «На поле Куликовом» пишет Г. М. Ибатуллина, говоря о значении символа «степной кобылицы», «парадоксально соединяющей у Блока метафору русской истории с одним из главных образов культуры тюрков-степняков» [Ибатуллина 2021]. Этот «образ-кентавр» (Г. М. Ибатуллина) становится у А. А. Блока олицетворением единства разных онтологических составляющих социокультурного пространства России.

ны с разделением людей и мира на «свое» и «чужое», и несут они смерть и разрушения, а не только «Ути и славы» [Слово 2024: 14]. Для В. П. Астафьева, и особенно в «Пастухе и пастушке», а потом и в романе «Прокляты и убиты», поля сражений – это прежде всего «кровавые» поля, независимо от того, чья это кровь – «своя» или вражеская¹. Вместе с тем отметим, что подобный взгляд имеет свои истоки и в «Слове», отражающем, в отличие от традиционного эпоса, неоднозначное, диалогизированное отношение к войнам и битвам: «Чръна землѧ подъ копыты, костьми была посѣана, а кровъ польана; тугой взыдоша по Руской земли» [Там же: 19].

Охарактеризуем еще одну выразительную художественную особенность, общую для повести В. П. Астафьева и «Слова», – «панорамность» изображения Русской земли // России. ««Панорамное зрение», – пишет Д. С. Лихачев, – в широкой степени оказывается и в «Слове о полку Игореве». Помимо того, что повествование в «Слове» непрерывно переходит из одного географического пункта в другой, автор «Слова» все время охватывает многие географические пункты своими призывами, обращениями и историческими воспоминаниями. «Золотое слово» Святослава Киевского обходит всю Русскую землю по окружности – ее самые крайние точки» [Лихачев 1978: 43]; «панорамность», замечает исследователь, создает в том числе эффект восприятия «с огромной высоты» [Там же: 44].

В прологе «Пастуха и пастушки» панорамность взгляда на изображаемое проявлена и в пространственной горизонтали, и в символической вертикали, а также во времени, поскольку повествование непосредственно связано с «историческими воспоминаниями» (Д. С. Лихачев). В горизонтальной проекции особую широту пейзажу придает метафора моря, в которое превращается степь из-за слез в глазах героини: «В глазах ее стояли слезы, и оттого все плыло перед нею, качалось, как в море, и где начиналось небо, где кончалось море² – она не различала. Хвостатыми водорослями шевелились рельсы. Волнами накатывали шпалы» [Астафьев 1997: 7]. О том, что данная метафора не случайна, свидетельствует ретроспективное возвращение к ней в finale произведения: «Она шла и видела не ночную, благостно шелестящую степь, а море, в бескрайности которого качалась одиноким бакеном острая пирамидка, и зыбко было все в этом мире» [Там же: 140].

Образ моря становится еще одним узнаваемым общим маркером в ландшафтных контекстах повести В. П. Астафьева и «Слова». Текст В. П. Астафьева словно бы визуализирует то незримое море, которое неоднократно упоминается в «Слове» как граничное Руси и в большей степени враждебное ей пространство (см. об этом: [Жданова 2017]). У В. П. Астафьева море и степь оказываются едины в экзистенциаль-

ном топосе России и сосуществуют здесь с другими ее онтологическими координатами, в том числе с Уральским хребтом. Таким образом, панорамная горизонталь в изображении В. П. Астафьева расширяет, в сравнении со «Словом», границы пространства России, однако не за счет «поглощения» или «отвоевания» других земель, а за счет осознания их внутреннего изначального единства и всеобщности.

С образом Урала связана в описаниях В. П. Астафьева панорамная вертикаль, которая иногда парадоксально сливается с горизонтальной осью восприятия: «Пепельным тленом отливалась предзимняя степь, угрюмо нависал над нею древний хребет, глубоко вдавившийся грудью в равнину, так глубоко, так грузно, что выдавилась из глубины земли горькая соль и бельма солончаков, отблескивая холодно, плоско, наполняли мертвенным льдистым светом и горизонт, и небо, спавшееся с ним» [Астафьев 1997: 8]. Несмотря на хтонические и мортальные мотивы этого пейзажа, придающие ему эмоциональную амбивалентность, он демонстрирует не только разделение мира на онтологические локусы, сколько единство разных бытийных сфер, противоположное тому, что несет с собой изображаемая в следующих главах повести война. Здесь опять у В. П. Астафьева, в отличие от «Слова», панорамный взгляд с высоты обнаруживает не дифференциацию мира на «свое» и «чужое», а взаимопроникновение миров. Ср. в «Слове»: «...дивъ клиУеть връху древа, велить послушати земли незнамъ, вльзъ, и по морѣ, и по Сулѣ, и Сурожу, и Корсунѣ, и тебѣ Тьмутораканъский бльванъ» [Слово 2024: 12]; земля русская и земля «незнамая», враждебная, с вершин символического дерева видятся не «спавшими», а разделенными.

Как мы уже отметили, панорамность, по концепции Д. С. Лихачева, связана также с историческими // временными координатами изображения. В «Пастухе и пастушке» В. П. Астафьева данные координаты актуализируются уже в подзаголовке («Современная пастораль») и эпиграфе из Теофила Готье: «Любовь моя, в том мире давнем, / Где бездны, кущи, купола, – / Я птицей был, цветком и камнем. / И перлом – всем, чем ты была!» [Астафьев 1997: 7]. Отчетливая аналогия подзаголовку повести, подразумевающему оппозицию разных духовных и культурологических эпох, обнаруживается в «Слове», которое также начинается с противопоставления «старого» и нынешнего времени: «Не лѣполи ны баштѣ, братѣ, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пѣлку Игоревѣ, Игорѣ Свѧтъславича! начати же сѧ тѣ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленїю Боянѣ» [Слово 2024: 8–9]. В предтекстовой отсылке В. П. Астафьева к «античному» стихотворению Т. Готье, реанимирующему эстетику древности, мы вновь видим удивительный параллелизм со «Словом», поскольку в его начальном фрагменте обозначена такая же отсылка к метафорической поэтике и эстетике древней поэзии, воплощением которой представлены песни Бояна: «Боянъ бо вѣщїй, аще кому хотѧше пѣсни творити, то растѣкашется мыслї»

¹ См., например, об этом: [Ибатуллина 2020; Караева, Ибатуллина 2023].

² Курсивы здесь и далее принадлежат автору статьи, жирный шрифт – выделено авторами цитируемых работ.

по древу, сърымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы» [Там же: 9].

Панорамность изображения в военно-исторических ракурсах повествования в «Слове» (о чем говорит Д. С. Лихачев) и в «Пастухе и пастушке» кажется достаточно очевидной: оба текста развернуто изображают ряд масштабных событий военного времени. Однако еще одну общую повествовательную особенность можно увидеть в том, как соединяется в данных произведениях панорамный взгляд с фокусировкой на отдельных конкретных эпизодах, в центре которых один ключевой герой. Судьба князя Игоря для автора «Слова» и судьба Бориса Костяева в повести В. П. Астафьева, по сути, равномасштабны и равноценны судьбам Русской земли // России.

Следует отметить, что логику судеб самих героев можно амбивалентным образом со-/противопоставить. С одной стороны, события жизни князя Игоря и Бориса Костяева авторами обоих произведений видятся как предельно драматичные, и в этом плане логика их изображения сближается, так же, как и в том, что оба героя представлены в глубоко индивидуализированных, нетипичных, даже исключительных ситуациях. С другой стороны, смысловые итоги жизненных историй героев совершенно разные. Отношение автора «Слова» (а также и «Русской земли», и князя Святослава, и читателя произведения) к Игорю и его действиям, как известно, неоднозначно и, соответственно, находит почти диаметрально противоположное выражение через жанровые традиции славы и плача¹, причем именно «слава» князю Игорю становится завершающим аккордом текста: «Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Кнаzemъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Свѧтъславича. Буй туру Всеволодѣ, Владимїру Игоревичу» [Слово 2024: 40].

Жизненный финал Бориса Костяева у В. П. Астафьева полностью лишен ореола «славы»; герой «оплакан» (автором, Люсей, читателями), но смерть его с обычной точки зрения можно назвать даже подчеркнуто «бесславной»: «Матерясь, кляня войну, покойника и злодеев, его подкинувших, начальник полустанка со сторожем завалили начавший разлагаться труп на багажную тележку, увезли за полустанок и сбросили в неглубоко вырытую ямку» [Астафьев 1997: 139]. Если «слава» поется мужеству и храбрости Игоря вопреки его поражению в битве с половцами, то у В. П. Астафьева война – это пространство трагичное и бессмысленно жестокое по своей сути, независимо от побед и поражений; здесь нет места подвигам и славе в их привычном понимании, здесь есть место лишь плачу и скорби или цинизму и моральному «беспределу».

Отметим еще ряд мотивов, амбивалентно со-/противопоставляющих героев двух произведений. Отношения князя Игоря и Бориса Костяева с географическими, историческими и экзистенциальными топосами представлены как динамиче-

ские: судьбы героев непосредственно связаны с мифологемой пути, причем сам путь и в том и в другом случае связан с судьбами Русской земли // России (т. е. с историей и движением во времени), с пересечением ее больших пространственных ареалов и инициирован военными событиями. Можно сказать, что подобная логика обнаруживается и во многих других произведениях «воинской» проблематики, однако для нас здесь важно, что данная образно-смысловая парадигма актуализирована в авторском сознании, в системе изображения и в «Слове», и в «Пастухе и пастушке» как сюжетообразующая, отражающая «итоговые», концептуально значимые художественно-эстетические аспекты повествования (в отличие, например, от «Войны и мира» Л. Н. Толстого или «Василия Теркина» А. Т. Твардовского).

Кроме того, с хронотопом пути в обоих произведениях связан мотив бегства, что уже конкретно и вполне отчетливо дистанцирует эти тексты от многих других «воинских повестей». Образы пути и бегства в повести В. П. Астафьева приобретают амбивалентно-инверсионный по отношению к «Слову» характер: князь Игорь движется из царства смерти (плен) в пространство жизни (Русь). Борис Костяев, раненный и болеющий не столько телом, сколько душой, утративший желание и способность воевать, по сути, «бежит» с полей сражений (не случайно в поезде его порой и воспринимают почти как дезертира). С одной стороны, он перемещается из одного пространства смерти (война) в другое (физическая гибель), с другой – его путь одновременно оказывается движением в «вечную жизнь», где его ждет встреча с возлюбленной.

Отметим также, что для судеб обоих героев – Игоря и Бориса – значим семантически амбивалентный мотив ранений: и для того, и для другого раны – не только физическая боль, но и душевная. О физических ранах Игоря мы узнаем аллюзивно – из плача Ярославны, духовная же драма героя – его пленение, поскольку плен для эпического воина позорен, как и дезертирство, об этом говорит сам Игорь в начале похода: «...и рече Игорь къ дружинѣ своей: братѣ и дружино! луцкѣй бы потату быти, неже полонену быти: а въ Адемъ, братѣ, на свои брѣзыА комони, да позримъ синего Дону» [Слово 2024: 10]. Физическое, телесное ранение Бориса тоже, по сути, оказывается «аллюзивным», поскольку носит почти иррациональный в глазах медиков и всех окружающих характер: легкое повреждение оборачивается тяжелыми необратимыми последствиями для героя. Судьбоносными для Бориса, как и для Игоря, становятся раны духовные, именно они инициируют героев к «бегству». Однако если путь Игоря – это бегство от позора пленя, то путь Бориса одновременно и «позор» // «дезертирство», и бегство из плена войны и ее бессмысленного кровавого ада.

Вернемся к теме «плачей», которые и в «Слове», и в «Пастухе и пастушке» связаны прежде всего с женскими образами. В символических планах изображения Люсия (героиня В. П. Астафьева), пе-

¹ См. об этом в работах Д. С. Лихачева: [Лихачев 1983: 19].

ремещающаяся по бескрайним пространствам России, скорбящая по павшему воину и взывающая к его душе, достаточно явственно уподобляется и Ярославне, и «русским женам» из «Слова», оплакивающим своих мужей и возлюбленных. На первый взгляд, княгиню Ярославну, в отличие от Люси, мы видим в статичной ситуации – «въ Путивлѣ на забралѣ» [Слово 2024: 33], но в действительности и плач Ярославны, и само сознание героини представлены как динамическая энергия, преодолевающая огромные географические пространства, уже с первой фразы: «полечиЖ, рече, зегзицеЖ по Дунаеви» [Там же], – и далее на протяжении всего монолога.

Еще один момент, разводящий, казалось бы, диады образов Игорь – Ярославна, Борис – Люся, определяется тем, что князь Игорь, с которым символически встречается Ярославна, жив, в то время как Люся оплакивает Бориса уже у его могилы. Однако, по мнению исследователей, плenение Игоря в «Слове» уподобляется его смерти: «Дело в том, – пишет Л. В. Соколова, – что хотя Игорь в действительности не погиб на поле битвы, но в символическом плане его плenение толкуется автором С. [«Слово о полку Игореве» – М. А.] как смерть» [Соколова 1995а: 110]. Вместе с тем нельзя, разумеется, забывать о том, что для героя В. П. Астафьева, в отличие от князя Игоря, символичной становится в данных эпизодах не смерть, а «вечная жизнь»: «Спи! Я пойду. Но я вернусь к тебе. Скоро. Совсем скоро мы будем вместе... Там уж никто не в силах разлучить нас» [Астафьев 1997: 140]; здесь мы вновь видим характерную для астафьевского повествования амбивалентность со-/противопоставления со «Словом».

Говоря о параллелях между образами Люси и Ярославны, нельзя обойти вниманием еще один момент. В начальном фрагменте повести В. П. Астафьева, описывающем героиню, «бредущую» к могиле Бориса, обнаруживается удивительная микродеталь, маркирующая аллюзивную отсылку к контекстам «Слова»: «В сандалии ее сыпались семена трав, колючки цеплялись за пальто старомодного покрова, отделанного сереньким мехом на рукавах» [Астафьев 1997: 7]. В «Слове», как известно, упомянут «бебрАнь рукавъ» Ярославны [Слово 2024: 33] – образ, который на протяжении XIX–XX вв. в художественно-поэтическом сознании российской культуры трактовался как бобровый рукав или рукав с бобровой опушкой, прежде всего благодаря известным переводам и переложениям «Слова», принадлежащим В. А. Жуковскому, К. Д. Бальмонту, Н. А. Заболоцкому¹, а также благодаря ряду научных исследований по проблемам перевода древнерусского литературного памятника.

В то же время существовали дискуссии по поводу интерпретации данного образа и иные переводы выражения «бебрAнь рукавъ»: так, Д. С. Лихачев переводит фразу как «шелковый рукав» [Лихачев 1978: 224]. Свообразным смысловым итогом этой полемики на сегодняшний день можно счи-

тать работу Л. В. Соколовой [2019]. Согласно ее мнению, в «Слове» имеется в виду и вовсе не рукав, а шелковый платок. Однако в контексте наших аллюзивных параллелей между героиней «Пастуха и пастушки» и Ярославной важны в первую очередь культурологические ассоциации, порожденные общеизвестными переводами «Слова» и актуализированные в художественном сознании и творческой памяти В. П. Астафьева. Отметим, что «серенький мех на рукавах» Люси выглядит знаковой проекцией «бобрового рукава» Ярославны и в совокупности с образом «пальто старомодного покрова», отсылающим к «старине», в том числе к средневековой, поскольку тема средневековья, как мы уже говорили, задана эпиграфом повести. Разумеется, определяющими во взаимопроекциях героинь Астафьева и «Слово» являются не просто микродетали их облика, а сюжетно-смысловые функции, связанные с народной обрядовой и поэтической традицией, в том числе с причитаниями.

Мотивы ритуального плача неоднократно обозначены в прологе и в finale повести В. П. Астафьева². В отличие от фольклорной причети и плача Ярославны в «Слове о полку Игореве», текст В. П. Астафьева, изображающий Люсю у могилы Бориса, предельно лаконичен, однако знаки и жесты ритуального оплакивания – такие как коленопреклонение, снятый с головы платок, адресованная умершему скорбная речь, прощальное целование упокоившегося – здесь достаточно отчетливы. Найдя могилу, «она опустилась на колени» [Астафьев 1997: 8] перед ней, «развязала платок, прижалась лицом к могиле» [Там же] и обратилась со словами печали не только к Борису («Как долго я тебя искала!»; «Почему ты лежишь один посреди России?» [Там же]; «Спи! Я пойду. Но я вернусь к тебе...» [Там же: 140]), но – в финальном фрагменте – и к Богу, и к Матери Сырой Земле: «Господи! – вздохнула женщина и дотронулась губами до того, что было могилой, но уже срослось с большим телом земли» [Там же].

Характерно, что само пространство «плача» здесь представлено мифологически сакрализованным. Чем ближе Люся подходит к могиле Бориса, тем более возникает ощущение, что героиня попадает в потустороннюю реальность, наполненную знаками загробного мира, в ирреальный мир пустоты, тишины и природной скорби по замирающей до весны жизни. Поскольку могила Бориса становится символическим сакральным центром России («Остался один – посреди России» [Астафьев 1997: 140]), всеохватывающая печаль героини по возлюбленному прочитывается в данном контексте как ритуальная скорбь всех «русских жен» по павшим воинам. Напомним еще раз уже цитированный выше фрагмент: «В глазах ее стояли слезы, и оттого все плыло перед нею, качалось, как в море, и где начиналось небо, где кончалось море –

¹ См.: [Жуковский 1980: 85; Бальмонт 1967: 166; Заболоцкий 1984: 6].

² Чжан Шумин также отмечает, что в «Пастухе и пастушке» В. П. Астафьева «начало и финал произведения выдержаны в стиле народных плачей и причитаний» [Шумин 2016: 39], – однако экспликация данного тезиса у него не представлена.

она не различала» [Там же: 7]. Пространственная беспредельность воспринимается здесь и как метафора бесконечной скорби героини, и как отражение всеобщего, универсально-ритуального плача Русской земли // России.

Ассоциативно-аллюзивно возникают в поэтической реальности астафьевского текста символические образы Карны и Жели (Жли) – гипотетических божеств горя и плача в восточнославянской мифологии, упоминающихся в «Слове о полку Игореве». «А Игорева храбраго пльку не кръсити. За нимъ кликну Карна и Жла, по скочи по Руской земли, смагу мычъчи въ пламанѣ розѣ. Жены Рускїа въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслїхъ смыслити, ни думойхъ сдумати, ни очима съгладати, а зата и сребра ни мало того потрепати» [Слово 2024: 20]. В свое время русский историк Е. В. Барсов предлагал вместо «Карна и Желя» читать «Карина и Желя» и называл их участниками древнего погребального ритуала: Карина – вестница смерти, «Желя же оканчивала погребальный ритуал, разнося сетование по родным и знакомым вместе с погребальным пеплом» [цит. по: Соколова 1995б: 188]. Историк Д. И. Прозоровский (вслед за С. Гедеоновым, интерпретировавшим Карну и Желю как злых духов) находил в Карне и Желе «мифическое представление бедствий, вестников бед» [цит. по: Иванов, Топоров 1980]. По мнению Л. В. Соколовой, «наиболее убедительной представляется точка зрения тех исследователей», которые считают Карну и Желю «мифическими персонажами: персонификацией, олицетворением скорби по умершему» [Соколова 1995б: 189]. По сути, такой же символической персонификацией горя «русских жен» и «Русской земли» становится Люся в изображении В. П. Астафьева,

совершающая погребальный ритуал у могилы Бориса и, подобно Желе, пересекшая для этого огромные пространства России.

Таким образом, в повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» обнаруживается ряд образно-смысловых параллелей со «Словом о полку Игореве», свидетельствующих о диалогическом взаимодействии творческих интуиций писателя с древнерусской (и шире – со средневековой в целом) эпической традицией. В рамках данной статьи мы рассмотрели не все отсылки и текстовые проекции этого ряда, поскольку более развернутая его детализация предполагает дальнейшее расширение исследований. Однако уже представленный здесь анализ позволяет говорить о том, что астафьевский текст является не столько продолжением традиции, сколько ее аксиологически амбивалентной интерпретацией. Писатель переосмысливает ключевые темы «Слова», придавая им больший духовно-нравственный и экзистенциальный масштаб. Идея единства Русской земли перерастает в повести в идею общечеловеческого, сверхнационального единства земель и народов. Привычные для цивилизации последних столетий понятия героизма и воинской доблести, подвиги на полях сражений воспринимаются без ореола «славы» и культово-патриотического пафоса, а как глубочайшая трагедия человеческой души, достойная быть оплаканной и катартически пережитой, но не опозиционированной. С данной точки зрения художественная мысль и нравственная философия В. П. Астафьева опередили свое время (повесть написана в 1967 году), поскольку к пониманию того, что любая война, независимо от ее целей, – это экзистенциальная катастрофа, человечество приходит лишь сейчас.

Источники

- Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 3. Пастух и пастушка. Рассказы / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – 464 с.
- Бальмонт, К. Д. Слово о полку Игореве / К. Д. Бальмонт // Слово о полку Игореве. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1967. – С. 166–176.
- Жуковский, В. А. Сочинения : в 3 т. Т. 3 / В. А. Жуковский. – Москва : Художественная литература, 1980. – С. 85–99.
- Заболоцкий, Н. А. Собрание сочинений. Т. 2 / Н. А. Заболоцкий. – Москва : Художественная литература, 1984. – 463 с.
- Слово о полку Игореве. – Санкт-Петербург : СЗКЭО, 2024. – 144 с.

Литература

- Большакова, А. Ю. «Современная пастораль» В. П. Астафьева: опыт интертекстуального прочтения / А. Ю. Большакова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021а. – № 69. – С. 226–244. – DOI: 10.17223/19986645/69/11. – EDN WXZTQA.
- Большакова, А. Ю. Книга как жанр: средневековая традиция в русской прозе XX века (В. П. Астафьев, Ф. А. Абрамов) / А. Ю. Большакова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2021б. – № 4. – С. 123–130. – DOI: 10.20339/PhS.4-21.123. – EDN RIQRMX.
- Большакова, А. Ю. Средневековая традиция в прозе В. П. Астафьева: жанр и цикл / А. Ю. Большакова // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 342–366. – DOI: 10.15393/j9.art.2020.7282. – EDN YBEWOY.
- Гончаров, П. П. Сказочно-мифологические истоки «Царь-рыбы» В. П. Астафьева / П. П. Гончаров, П. А. Гончаров // Пушкинские чтения. Языкоизнание и литературоведение. – Москва, 2011. – С. 204–209.

Дегтярева, В. В. Мифологемы водного мира в творчестве В. П. Астафьева / В. В. Дегтярева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2010. – № 2. – С. 214–219. – EDN MVJJVR.

Жданова, Т. В. Значение образа моря в «Слове о полку Игореве» / Т. В. Жданова // Наука молодых – будущее России : сборник научных статей 2-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых : в 5-ти т., Курск, 13–14 декабря 2017 года. Т. 3 / отв. ред. А. А. Горохов. – Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. – С. 209–213. – EDN YBCEMO.

Залыгин, С. П. И снова о войне...: [о книге В. П. Астафьева «Пастух и пастушка»] / С. П. Залыгин // Новый мир. – 2001. – № 3. – С. 11–17.

Ибатуллина, Г. М. Мифологема Валькирии в повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» / Г. М. Ибатуллина // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 80-летию СФ БашГУ, Стерлитамак, 02–03 ноября 2020 года. – Стерлитамак : Башкирский государственный университет, 2020. – С. 40–43. – EDN QLUPUS.

Ибатуллина, Г. М. Турецкий текст в образно-смысовых парадигмах русской литературы: сквозь призму концепции Л. Н. Гумилева / Г. М. Ибатуллина // Гуманитарные научные исследования. – 2021. – № 11 (123). – EDN TRBVHUK.

Иванов, Вяч. Вс. Карна и Желя / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / под ред. С. А. Токарева. – Москва, 1980. – С. 624.

Караева, Н. К. Оппозиция герой – преступник в контекстах литературы и культуры / Н. К. Караева, Г. М. Ибатуллина // Современные научные исследования и инновации. – 2023. – № 11 (151). – EDN DLHTEX.

Лихачев, Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени : монография / Д. С. Лихачев. – Ленинград : Художественная литература, 1978. – 360 с.

Лихачев, Д. С. Золотое слово русской литературы / Д. С. Лихачев // Слово о полку Игореве / вступит. статья и подготовка древнерус. текста Д. Лихачева ; сост. и comment. Л. Дмитриева. – Москва : Художественная литература, 1983. – С. 3–20.

Соколова, Л. В. Жля / Л. В. Соколова // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995б. – С. 187–190.

Соколова, Л. В. Каким «рукавом» утирала Ярославна кровавые раны Игоря (К вопросу о поэтике «Слова о полку Игореве») / Л. В. Соколова // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 7–41. – DOI: 10.15393/j9.art.2019.6602. – EDN EGMLNS.

Соколова, Л. В. Плач Ярославны / Л. В. Соколова // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995а. – С. 109–116.

Стадниченко, В. А. Поэтика видений в «Затесях» В. П. Астафьева / В. А. Стадниченко // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2018. – № 5. – С. 91–101. – EDN YURMLJ.

Хасанова, Г. Ф. Фольклорная традиция и традиция древнерусской литературы во взаимодействии с державной традицией в военной прозе конца 1950-х – середины 1980-х годов / Г. Ф. Хасанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 89. – С. 286–289. – EDN JWNWDP.

Чжан, Шумин. Библейские мотивы в повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» / Чжан Шумин // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. – 2016. – № 3 (58). – С. 38–41.

References

- Bolshakova, A. Yu. (2020). Srednevekovaya traditsiya v proze V. P. Astaf'eva: zhanr i tsikl = The medieval tradition in V. P. Astafyev's prose: Genre and cycle. *Problems of historical poetics*, 18(1), 342–366. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7282. EDN YBEWOY.
- Bolshakova, A. Yu. (2021a). «Sovremennaya pastoral'» V. P. Astaf'eva: opyt intertekstual'nogo prochteniya = "Modern pastoral" by V. P. Astafyev: An experience of intertextual reading. *Tomsk State University Bulletin. Philology*, 69, 226–244. DOI: 10.17223/19986645/69/11. EDN WXZTQA.
- Bolshakova, A. Yu. (2021b). Kniga kak zhanr: srednevekovaya traditsiya v russkoy proze XX veka (V. P. Astaf'ev, F. A. Abramov) = The book as a genre: The medieval tradition in 20th century Russian prose (V. P. Astafyev, F. A. Abramov). *Philological Sciences. Research papers from higher education institutions*, 4, 123–130. DOI: 10.20339/PhS.4-21.123. EDN RIQRMX.
- Degtyareva, V. V. (2010). Mifologemy vodnogo mira v tvorchestve V. P. Astaf'eva = Mythologems of the water world in the works of V. P. Astafyev. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Bulletin KSPU)*, 2, 214–219. EDN MVJJVR.
- Goncharov, P. P., Goncharov, P. A. (2011). Skazochno-mifologicheskie istoki «Tsar'-ryby» V. P. Astaf'eva = The fairy tale and mythological origins of V. P. Astafyev's "The Kingfish". *Pushkin Readings. Linguistics and Literary Criticism*, 204–209. Moscow.
- Ibatullina, G. M. (2020). Mifologema Val'kirii v povesti V. P. Astaf'eva «Pastukh i pastushka» = The Valkyrie mythologem in V. P. Astafyev's novel "The Shepherd and the Shepherdess". *Literary text: Problems of reading and understanding in modern society*, 40–43. Sterlitamak: Bashkir State University. EDN QLUPUS.

- Ibatullina, G. M. (2021). Tyurkskiy tekst v obrazno-smyslovyykh paradigmakh russkoy literatury: skvoz' prizmu kontseptsii L. N. Gumileva = Turkic text in the figurative and semantic paradigms of Russian literature: Through the prism of L. N. Gumilev's concept. *Humanitarian Scientific Research*, 11(123). EDN TPBHUK.
- Ivanov, Vyach. Vs., Toporov, V. N. (1980). Karna i Zhelya = Karna and Jelly. *Myths of the World: An Encyclopedia* (vol. 1), 624. Moscow.
- Karaeva, N. K., Ibatullina, G. M. (2023). Oppozitsiya geroy – prestupnik v kontekstakh literatury i kul'tury = The hero – criminal opposition in literature and culture. *Modern scientific research and innovation*, 11(151). EDN DLHTEX.
- Khasanova, G. F. (2009). Fol'klornaya traditsiya i traditsiya drevnerusskoy literatury vo vzaimodeystvii s derzhavnoy traditsiey v voennoy proze kontsa 1950-kh – serediny 1980-kh godov = The folklore tradition and the tradition of Old Russian literature interact with the imperial tradition in the military prose of the late 1950s and the mid-1980s. *Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia*, 89, 286–289. EDN JWNWDP.
- Likhachev, D. S. (1978). «Slovo o polku Igoreve» i kul'tura ego vremeni = “The Tale of Igor’s Campaign” and the culture of its time. Leningrad: Fiction Publishing House, 360 p.
- Likhachev, D. S. (1983). Zolotoe slovo russkoy literatury = The Golden Word of Russian literature. *The Tale of Igor’s Campaign*, 3–20. Moscow: Fiction Publishing House.
- Sokolova, L. V. (1995a). Plach Yaroslavny = Yaroslavna’s lament. *Encyclopedia “The Tale of Igor’s Campaign”* (vol. 4), 109–116. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publishing House.
- Sokolova, L. V. (1995b). Zhlya = Well. *Encyclopedia “The Tale of Igor’s Campaign”* (vol. 2), 187–190. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publishing House.
- Sokolova, L. V. (2019). Kakim «rukavom» utirala Yaroslavna krovavye rany Igorya (K voprosu o poetike «Slova o polku Igoreve») = How Yaroslavna wiped Igor’s bloody wounds with her sleeve (on the poetics of “The Tale of Igor’s Campaign”). *Problems of historical poetics*, 17(4), 7–41. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6602. EDN EGMLNS.
- Stadnichenko, V. A. (2018). Poetika videniy v «Zatesyakh» V. P. Astaf'eva = The poetics of visions in V. P. Astafyev’s “Notations”. *Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Science*, 5, 91–101. EDN YURMLJ.
- Zalygin, S. P. (2001). I snova o voyne...: [o knige V. P. Astaf'eva «Pastukh i pastushka»] = And again about the war.... [about V. P. Astafyev’s book “The Shepherd and the Shepherdess”]. *New World*, 3, 11–17.
- Zhang, Shumin. (2016). Bibleyskie motivy v povesti V. P. Astaf'eva «Pastukh i pastushka» = Biblical motifs in V. P. Astafyev’s story “The Shepherd and the Shepherdess”. *Russian Philology. Bulletin of the Kharkov National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda*, 3(58), 38–41.
- Zhdanova, T. V. (2017). Znachenie obraza morya v «Slove o polku Igoreve» = The significance of the sea in *The Tale of Igor’s Campaign*. *Science of the young is the future of Russia* (vol. 3), 209–213. Kursk: University book Publishing House. EDN YBCEMO.

Данные об авторе

Алексеенко Михаил Владимирович – аспирант кафедры русского языка и литературы, Уфимский университет науки и технологий, Стерлитамакский филиал (Стерлитамак, Россия).

Адрес: 453103, Россия, г. Стерлитамак, пр-т Ленина, 49.
E-mail: Alekseenkomichail87@mail.ru

Дата поступления: 03.08.2025; дата публикации: 29.12.2025

Authors' information

Alekseenko Mikhail Vladimirovich – Postgraduate Student of Department of Russian Language and Literature, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak branch (Sterlitamak, Russia).

Date of receipt: 03.08.2025; date of publication: 29.12.2025